

В русских пословицах представлена также неуловимость счастья: *Счастье шапкой не словишь. Счастья на деньги не купишь. Счастье в оглобли не впряжешь. Счастья духовною не укрепишь.*

Во фразеологическом фонде русского языка мы находим пословицы, где человек показывает свое недоверие по отношению к счастью: *Счастье пытаться – деньги терять; не отведывай счастья, не купи коня хрома.*

Пословичная семантика направлена на конструирование определенного типа сознания, способа мышления и поведения. В центре внимания оказывается человек, его оценка окружающей действительности. Вследствие непредсказуемости, нелогичности и амбивалентности (*Счастье что палка: о двух концах*) счастье получает и негативную оценку со стороны человека.

Проведенный анализ паремий выявил репрезентацию концептуальных признаков идеи счастья в русском национально-культурном пространстве. Это отражается в дидактической направленности паремий, которые чаще всего являются общими назидательными высказываниями, регулирующими восприятие образа жизни, привычек и склонностей человека. Счастье характеризуется признаком «предопределенность», «непредсказуемость». Кроме того, счастье отличается признаками «избирательность», «непостоянность», «ирреальность».

Счастье абсолютно по силе воздействия на человека. Однако за человеком сохраняется право управлять своей жизнью. Для того чтобы стать счастливым, необходимо трудиться, не думать о счастье, не посягать на счастье других людей, надо уметь достойно переживать как несчастливые, так и счастливые моменты жизни.

Представления о счастье, отраженные в паремиологическом фонде русского языка, нередко совпадают с пониманием счастья современной языковой личностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем. – М.: Изд-во МГУ, 1993.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК, 2004.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – СПб.: Диамант, 1997.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., исп. и доп. – М.: Русский язык, 1991.
6. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
8. Михайленко О.М. Лингвостатистическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 18 с. (электронная версия)

УДК 811.161.1'373/4

Кириллина Н.В.

КОНЦЕПТЫ ДОБРО-ЗЛО В ИДЕОСТИЛЕ А.А. АХМАТОВОЙ*

Аннотация. В статье раскрываются особенности репрезентации оппозиционно представленных концептов в художественном тексте. На материале языка поэзии А.А. Ахматовой автор исследует периферийные зоны концептов *добро – зло*, являющиеся базовыми понятиями культуры любого народа.

Ключевые слова: синоним, художественный текст, концепт.

Abstract. In article features of representation of concepts presented in opposition in the belles-lettres are revealed. On the material of the poetic diction of A. Achmatova the author investigates boundary zone of the concepts *good – evil* which are the basic concepts of culture of any people.

Key word: synonym, belles-lettres text, concept.

N. Kirillina
THE CONCEPTS GOOD – EVIL IN THE
LANGUAGE OF LYRICS OF A. AKHMATOVA

Репрезентантами оппозиции *добро-зло* в языке поэтических произведений А.А. Ахматовой являются синонимы данных лексем и их дериваты. Исследователь Н.Ю. Моспанов

* © Кириллина Н.В.

ва справедливо отмечает, что «компоненты «все положительное, хорошее, нравственное», «все дурное, плохое, безнравственное», «противоположное злу», «противоположное добру» являются самыми общими и потенциально могут включать любой частный содержательный признак ядра и периферии концептуальной оппозиции *добро-зло*» [Моспанова Н.Ю., 2005, с. 43].

Если мы обратимся к словарям синонимов, исследовательским работам, посвященным вопросам синонимии, то увидим, что выделение синонимического ряда, в который входят слово *зло*, неоднозначно у разных авторов. Так, в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слова *злость, злоба* включены в один синонимический ряд со словами *зло и желчь*. В «Кратком словаре синонимов» В.Н. Ключевой таких синонимических рядов нет. По мнению исследователя Н.Ю. Моспановой, в наивной картине мира средствами выражения значения '*зла*' являются слова с корнями *-гад-, -дурн-, -дрян-, -зл-, -пак-, -плох-, -скверн-, -худ-*, причем «закрепленность конкретных образованных от них слов за указанной концептуальной сферой оказывается далеко не столь жесткой и отчетливой» [Моспанова Н.Ю., 2005, с. 64]. И хотя не все перечисленные компоненты синонимического ряда представлены в языке лирики А.А. Ахматовой, разряд синонимов в ее произведениях намного шире и сложнее, нежели в русском литературном языке.

Исследователь Н.П. Мельниченко в своей диссертации «Концепт *гнев* в идиостиле Ф.М. Достоевского» к словам, входящим в рассматриваемый синонимический ряд, относит существительные *свирепость, лютость, гнев, ярость, раздражение, негодование*. При этом отмечает, что «для слов *свирепость и лютость* характерна сема 'жестокость, беспощадность', не входящая в семантику остальных членов рассматриваемого синонимического ряда» [Мельниченко Н.П., 2009, с. 124].

Однако представляется целесообразным включение образованных от этих слов дериватов в один синонимический ряд со словами *злой, злобный* и др., так как в языке лирики А.А. Ахматовой эти синонимы реализуют те же содержательные компоненты, что и ядерная лексема (а также ее дериваты), например:

1. Что-либо плохое: *Милым простила губам Я их жестокою шутку... О, вы приедете к нам Завтра по первопутку – «Обман»; Но в путаных словах вопрос зажжен, Зачем*

не стала я звездой любовной, И стыдной болью был преображен Над нами лик жестокий и бескровный – «Косноязычно славивший меня...»; За ложь меня предавших уст, За мертвый холод глаз, За то, что мир жесток и пуст, За то, что Бог не спас – «Последний тост»; В кругу кровавом день и ночь Долит жестокая истома... Никто нам не хотел помочь За то, что мы остались дома, За то, что город свой любя, А не крылатую свободу, Мы сохранили для себя Его дворцы, огонь и воду – «Anno Domini 1. После всего. Петроград, 1919»;

2. Приносящий беду, несчастье, неприятность: *Прозрачная ложится пелена На свежий дерн и незаметно тает. Жестокая, студёная весна налившиеся почки убивает – «Майский снег»; И только раз мне видеть удалось У озера, в густой тени чинары, В тот предвечерний и жестокий час – Сияние неутоленных глаз Бессмертного любовника Тамары – «Кавказское»;*

3. Злое чувство, гнев, досада: *И у окна белеют пальцы... Твой профиль тонок и жесток. Ты зацелованные пальцы брезгливо прячешь под платок – «Протертый коврик под иконой...»; И Муза в дырявом платке Протяжно поет и уныло, В жестокой и юной тоске Ее чудотворная сила – «Зачем притворяешься ты...». Ср. с другими дериватами от слов данного синонимического ряда: *Не гляди так, не хмурься гневно. Я любимая, я твоя. Не пастушка, не королева И уже не монашенка я... – «Ты письмо мое, милый не комкай...»; Не странно ли, что знали мы его? Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева И Пресвятая охраняла Дева Прекрасного поэта своего – «Не странно ли, что знали мы его...»; И, раз проснувшись, видим, что забыли Мы даже путь в тот дом уединенный, И, задыхаясь от стыда и гнева, Бежим туда... – «Северные элегии. Шестая»; Верно, мало для счастья надо Тем, кто нежен и любит светло, Что ни ревность, ни гнев, ни досада молодое не тронут чело – «Целый год ты со мной неразлучен...»; Мне от бабушки-татарки Были редкостью подарки; И зачем я крещена, горько гневалась она – «Сказка о черном кольце»; И что память яростная мучит, Пытка сильных – огненный недуг! – И в ночи бездонной сердце учит Спрашивать: о где ушедший друг? – «И когда друг друга проклинали...»; Вот и dospорился яростный спорщик До енисейских равнин, Вам он бродяга, шуан, заговорщик, Мне он – единственный сын... – «Черепки».**

Мы считаем возможным объединение слов *злой, жестокий, яростный, гневный* в один синонимический ряд градационного типа и определение их репрезентантами концепта *зло*. Необходимо отметить также, что в репрезентации данного концепта участвуют лексемы, относящиеся к разным частям речи: существительные: *стыд, гнев, хула*; глаголы: *гневалась, сердилась*; прилагательные: *жестокий, гневный, яростный*, наречия: *гневно, жестоко* и т. п.

Интересно, что в языке лирики А.А. Ахматовой репрезентантом концепта *зло* становятся лексемы, не являющиеся в наивной картине мира его синонимами (или производных от него слов), например, прилагательное *страшный* (примечательно, что антонимические отношения в контексте стихов А.А. Ахматовой у него развиваются со словом *добрый* – антонимом прилагательного *злой* в наивной картине мира: *И никакого розового детства... Веснушечек, и мишек, и игрушек, И добрых тетя, и страшных дядя, и даже Приятелей среди камешков речных* – «Северные элегии»): *Пусть страшен путь мой, пусть опасен. Еще страшнее путь тоски... Как мой китайский зонтик красен, Натерты мелом башмачки!* – «Меня покинул в новолунье...»; *Сроки страшные близятся. Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите глада, и труса, и мора, И затменья небесных светил* – «Июль 1914»; *С земли не видно. Страшную беду Почувствовав, мы сразу замолчали. Заупокойно филины кричали, И душный ветер буйствовал в саду* – «За озером луна остановилась...»; *Так много камней брошено в меня, что ни один из них уже не страшен, И стройной башней стала западня, Высокою среди высоких башен* – «Уединение»; *И только совесть с каждым днем страшной Беснуется: великой хочет дани. Закрыв лицо, я отвечала ей... Но больше нет ни слез, ни оправданий* – «Все отнято: и сила, и любовь...»; *Какие странные слова Принес мне тихий день апреля. Ты знал, во мне еще жива Страстная страшная неделя* – «Ответ»; *И станет вятен всем ее постыдный бред, Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед, Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело, Чтобы в последний раз душа моя горела земным бессилием, летя в рассветной мгле, И дикой жалостью к оставленной земле* – «Клевета»; *Как будто страшной песенки Веселенький припев – Идет по шаткой лесенке, Разлуку одолев* – «Новоселье. Гибель». Следует отметить высокую частотность лексем с корнем *-страх-*

страш- в языке лирики А.А. Ахматовой (более 60-ти примеров).

Синонимически сближенными в условиях контекста в поэтических произведениях А.А. Ахматовой могут выступать слова *тоска, печаль, грусть, горе, беда, смерть, разлука* (и их дериваты), репрезентирующие концепт *зло* и характеризующие различные его стороны:

1. Душевное страдание: *Три раза пытаться приходила. Я с криком тоски просыпалась И видела тонкие руки И темный на смешливый рот. «Ты с кем на заре целовалась, Клялась, что погибнешь в разлуке, И жгучую радость таила, Рыдая у черных ворот? Кого ты на смерть проводила, Тот скоро, о, скоро умрет»* – «Три раза пытаться приходила...»; *И ты ушел. Не за победой, За смертью. Ночи глубоки! О, ангел мой, не знай, не ведай Моей теперешней тоски* – «О нет, я не тебя любила...»; *Перед этим горем гнутся горы, Не течет великая река, Но крепки тюремные затворы, А за ними «каторжные норы» И смертельная тоска* – «Посвящение». Чтобы подчеркнуть степень проявления зла, поэт в рамках одного стихотворения использует целый ряд лексем с отрицательной коннотацией. Интересно также использование окказионального прилагательного *печально-нем*: *А ты, мой дальний, неужели Стал бледен и печально-нем? Что слышу? Целых три недели Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»* – «Мне больше ног моих не надо...».

2. Душевная тревога: *Сжала руки под темной вуалью... «Отчего ты сегодня бледна?»* – *Оттого, что я терпкой печалью Напоила его допьяна* – «Сжала руки под темной вуалью...»; *Но она уже не ловит Их протянутой рукой. Все сильней биенье крови в теле, раненном тоской «Рыбак»;* *Здесь мой покой навеки взят Предчувствием беды, Сквозь тонкий лед еще сквозят Вчерашние следы* – «Сад»; *Твоя печаль, для всех неаяная, Мне сразу сделалась близка, И поняла ты, что отравная И душная во мне тоска* – «Туманом легким парк наполнился...»; *Перо задело о верх экипажа. Я поглядела в глаза его. Томилось сердце, не зная даже Причины горя своего. Безветрен вечер и грустью скован Под сводом облачных небес, И словно тушью нарисован В альбоме старом Булонский лес* – «Прогулка»; *Эта встреча никем не воспета, И без песен печаль улеглась. Наступило прохладное лето, Словно новая жизнь началась* – «Эта встреча никем не воспета...».

3. Уныние: *И злomu сердцу станет*

жаль Чего-то. Грустно будет. Но эту легкую печаль Оно не позабудет – «Песня о песне»; О, не вздыхайте обо мне, Печаль преступна и напрасна, Я здесь на сером полотне Возникла странно и неясно – «Надпись на неоконченном портрете».

4. То, что вызывает чувство грусти и скорби: Я ведаю, что боги превращали Людей в предметы, не убив сознания, Чтоб вечно жили дивные печали. Ты превращен в мое воспоминанье – «Как белый камень в глубине колодца...»; Так дни идут, печали умножая. Как за тебя мне Господа молить? Ты угадал: моя любовь такая, Что даже ты не мог ее убить – «А ты теперь тяжелый и унылый...»; И ранней смерти так ужасен вид, Что не могу на Божий мир глядеть я. Во мне печаль, которой царь Давид По-царски одарил тысячелетья – «Майский снег»; Не подумай, что в бреду И замучена тоскою Громко кличу я беду: Ремесло мое такое – «Нет, царевич, я не та...» и др. А тайная боль разлуки Застонала белою чайкой Над серой пыльной степью, Над пустынной, мертвой Корсунью – «У самого моря»; Называй же беззаконницей, Надо мной глумись со зла: Я была твоей бессонницей, Я тоской твоей была – «Я окошка не завесила...».

Следует отметить, что слова грусть, тоска, печаль, горе имеют общие семы 'страдание', 'уныние'.

5. Чувство сожаления о несбывшемся или утраченном: О, как часто будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане! – «Из памяти твоей я выну этот день...».

6. Душевное томление: Стыдись, и творческой печали Не у земной жены моли, Таких в монастыри ссылали И на кострах высоких жгли – «Как мог ты, сильный и свободный...».

К числу лексических средств, репрезентирующих содержательные компоненты концепта добро, относятся слова-синонимы и синонимически сближенные с ними слова-аналоги.

В большинстве современных словарей синонимов синонимические ряды с существительным добро не представлены. Составить их, опираясь на анализ словарных дефиниций и компонентный анализ слов, делали попытку некоторые исследователи, например Г.И. Берестнев, Н.Ю. Моспанова.

Как отмечает Н.Ю. Моспанова, собственными средствами выражения идеи доб-

ра в русском языке являются слова с корнями *-добр-, -хорош-, -болог- (-благ-)* [Моспанова Н.Ю., 2005, с. 61]. В языке лирики А.А. Ахматовой к контекстуальным синонимам можно отнести такие слова, которые не имеют синонимических отношений с данной лексемой в наивной картине мира, например слово, называющее чувство-состояние счастье: *И звенит, звенит мой голос ломкий, Звонкий голос не узнавших счастья*: «Ах, пусты дорожные котомки, А на завтра голод и ненастье!» – «Под навесом темной риги жарко»; *Когда же счастья гроши Ты проживешь с подругой милой И для пресыщенной души Все станет сразу так постыло – В мою торжественную ночь Не приходи. Тебя не знаю. И чем могла б тебе помочь? От счастья я не исцеляю* – «Я не любви твоей прошу...»; *Мы хотели муки жалающей Вместо счастья безнадежного... Не покину я товарища И беспутного и нежного – Мне с тобою пьяным весело»; Все глядеть на смуглые главы Херсонесского храма с крыльца И не знать, что от счастья и славы Безнадежно дряхлеют сердца* – «Вижу выпцветший флаг над таможенной...». Слово счастье и в значении 'удача', 'везение', реализуя компонент 'польза', сближается со словом добро как знаком материальной ипостаси концепта: *Сердце к сердцу не приковано, Если хочешь – уходи. Много счастья уготовано тем, кто волен на пути* – «Сердце к сердцу не приковано...».

Необычным с точки зрения традиционных синонимических отношений является использование поэтом существительного *веселье* в качестве аналога понятия добра (в значении 'чувства-состояния', синонимичного слову счастье): *Горе душит, не задушит, Вольный ветер слезы сушит, А веселье, чуть погладит, Сразу с бедным сердцем сладит* – «Шепчет: «Я не пожалею...»; *Верно слышал святитель из кельи, Как я пела обратной дорогой О моем несказанном весельи, И дивясь, И радуясь много* – «Подошла я к сосновому лесу...»; *Как белый камень в глубине колодца, Лежит во мне одно воспоминанье. Я не могу и не хочу бороться: Оно – веселье и оно – страданье* – «Как белый камень в глубине колодца...»; *Плотно заперты ворота, Вечер черен, ветер тих. Где веселье, где забота, Где ты, ласковый жених?* – «Сразу стало тихо в доме...»; *И снова черный масляничный вечер, Зловещий парк, спокойный бег коня И полный счастья и веселья ветер, С небесных круч слетевший на меня* – «Одни глядятся в ласковые взоры...».

Еще более ярким репрезентантом понятия добра, с нашей точки зрения, в языке поэзии А.А. Ахматовой является прилагательное *веселый* и наречие *весело* (данные лексемы относятся к числу востребованных автором единиц, их частотность достаточно велика: более 50 примеров). Значение прилагательного *веселый* и производного от него наречия *весело* в языке произведений А.А. Ахматовой значительно шире, чем представленных в словарях. Содержательные компоненты данных лексем в языке лирики А.А. Ахматовой позволяют рассматривать слова с корнем *-весел-* как средство выражения идеи добра:

1. Несущий благо, добро: *Я не прошу ни мудрости, ни силы. О, только дайте греться у огня! Мне холодно... Крылатый иль бескрылый, Веселый бог не посетит меня* – «И мальчик, что играет на волынке...»; *Упрямая, жду, что случится, Как в песне случится со мной, – Уверенно в дверь постучится И, прежний, веселый, дневной, Войдет он и скажет: «Довольно, Ты видишь, я тоже простил»* – «Пока не свалюсь под забором...»; *Но в громе влажность есть Высоких свежих облаков И вожделение лугов – Веселых ливней весть – «Первый дальнобойный в Ленинграде».*

2. Счастливый, благополучный: *Вышла цыганка из пещеры, пальцем меня к себе поманила: «Что ты, красавица, ходишь боса? Скоро веселой, богатой станешь* – «У самого моря»; *Вдруг подобрело темное море, Ласточки в гнезда свои вернулись, И сделалась красной земля от маков, И весело стало опять на взморье* – «У самого моря»; *Покинув рощи родины священной И дом, где Муза Плача изнывала, Я, тихая, веселая, жила* – «Эпические мотивы»; *Каждый день мой – веселый, хороший, Заблудилась я в длинной весне, Только руки тоскуют по ноше, Только плач его слышу во сне* – «Где, высокая, твой цыганенок...».

3. Приятный, милый, беззаботный: *Ведь где-то есть простая жизнь и свет, Прозрачный, теплый и веселый... там с девушкой через забор сосед Под вечер говорит, и слышат только пчелы Нежнейшую из всех бесед* – «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»; *Оркестр веселое играет, И улыбаются уста. Но сердце знает, сердце знает, Что ложа пятая пуста* – «Меня покинул в новолунье...»; *Быть веселой – привычное дело, Быть внимательной – это трудней...* – «Подошла. Я волнения не выдал...»; *Трудно, трудно жить затворницей, Да трудней веселой быть* – «Мне не надо счастья малого...»; *Показать*

бы тебе, насмешнице И любимице всех друзей, Царскосельской веселой грешнице, Что случится с жизнью твоей... – «Реквием».

4. Доброжелательный, любезный: *Сюда ко мне поближе сядь, Гляди веселыми глазами: Вот эта синяя тетрадь – С моими детскими стихами* – «Широк и желт вечерний свет...».

5. Легко, спокойно: *На рукомойнике моем позеленела медь, Но так играет луч на нем, Что весело глядеть* – «Молюсь оконному лучу...»; *Мне с тобою пьяным весело – Смысла нет в твоих рассказах. Осень ранняя развесила Флаги желтые на вязах* – «Мне с тобою пьяным весело...»; *О, как весело мне думать, Что тебя увижу я* – «Это просто, это ясно...»; *Чутко внимаю бездумным рассказам. Не научился ты только молчать. Знаю, таким вот, как ты, сероглазым Весело жить и легко умирать* – «Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!..».

6. Любимый, доставляющий удовольствие, радость: *И снится Иакову сладостный час: Прозрачный источник долины, Веселые взоры Рахилиных глаз И голос ее голубиный...* – «Библейские стихи»; *Высокие своды костела синей, чем небесная твердь... Прости меня, мальчик веселый, Что я принесла тебе смерть* – «Высокие своды костела...»; *Со мной всегда мой верный, нежный друг, с тобой твоя веселая подруга. Но мне понятен серых глаз испуг, И ты виновник моего недуга* – «Не будем пить из одного стакана...»; *Сослужу тебе верную службу, – Ты не бойся, что горько люблю! Я за нашу веселую дружбу Всех святителей нынче молю* – «Сослужу тебе верную службу...».

Отдельную группу составляют лексемы, определяемые словом *веселый*, являющиеся эпитетом к словам *муза, стихи, птица* (которая является в поэзии А.А. Ахматовой символом творчества): *Веселой Музы нрав не узнаю: Она глядит и слова не проронит, А голову в веночке темном клонит, Изнеможенная, на грудь мою* – «Все отнято: и сила, и любовь...»; *Когда шуришат в овраге лопухи И никнет гроздь рябины желто-красной, Слагаю я веселые стихи О жизни тленной, тленной и прекрасной* – «Я научилась просто, мудро жить...»; *Промолвил, войдя на закате в светлицу: «Люби меня, смейся, пиши стихи!» И я закопала веселую птицу За круглым колодцем у старой ольхи* – «Был он ревнивым, тревожным и нежным...». Значения данных лексем в качестве ключевых слов реализуют в творчестве А.А. Ахматовой

такие индивидуально-авторские содержательные компоненты контекста, как 'приносящий счастье, радость творчества'.

Весьма интересны с точки зрения семантики такие авторские композиты, как *весело-сухие* и *тайно-весел*: *Перед весной бывают дни такие: Под плотным снегом отдыхает луг, Шумят деревья весело-сухие, И теплый ветер нежен и упруг* – «Перед весной бывают дни такие...»; *Был он грустен или тайно-весел, Только смерть – большое торжество. На истертом красном плюше кресел Изредка мелькает тень его* – «Здесь все то же, то же, что и прежде...».

В отдельных произведениях А.А. Ахматовой прилагательное *веселый* и наречие *весело* служат средством выражения поэтом позитивного отношения к картине мира: *Иволги кричат в широких кленах, Их ничем до ночи не унять. Любо мне от глаз твоих зеленых Ос веселых отгонять* – «Каждый день поновому тревожен...»; *«Что ты делаешь, ты безумный!» – «Нет, я только тебя люблю! Этот ветер – широкий и шумный, Будет весело кораблю!»* – «Побег».

Итак, специфика идиостиля А.А. Ах-

матовой проявляется в своеобразном переплетении в одном контексте языковых и выразительно-изобразительных средств, или, по определению В.В. Виноградова, предстает как исторически обусловленная, сложная, но представляющая структурное единство система средств и форм словесного выражения в ее развитии: «В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [Виноградов В.В., 1959, с. 169].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений в 2-х томах. – М., 1990.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959.
3. Ключева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. – М., 1961.
4. Мельниченко Н.П. Концепт гнев в идиостиле Ф.М. Достоевского: АКД. – Елец, 2010.
5. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «ДОБРО - ЗЛО» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок): АКД. – Брянск, 2005.
6. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т: Т. 1; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 2003.

УДК 81-114.2

Кириллова И.В.

ВЫРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ КОНЦЕПТОВ «УМ» И «ГЛУПОСТЬ» В РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПАРЕМИЯХ*

Аннотация. В данной статье, написанной в рамках лингвокогнитивного направления современной лингвистики, проводится сопоставительный анализ языковых репрезентаций концептов «ум» и «глупость» в русской и чешской языковой картине мира на материале пословиц и поговорок. Анализ репрезентаций данных концептов, выявивший черты сходства и различия в народном понимании ума и глупости в русских и чешских паремиях, представляет собой один из этапов описания языковой картины мира, особенно значимый для глубинного понимания специфики национальной концептосферы.

Ключевые слова: концепт, концепт «ум», концепт «глупость», паремиология, русская и чешская пословичная картина мира.

I. Kirillova
REPREZENTATION OF COGNITIVE
OPPOSITION OF THE CONCEPTS “SMART-
NESS” AND “FOOLISHNESS” IN THE RUS-
SIAN AND CZECH PROVERBS

Abstract. This article is wrote in the frames of cognitive linguistics contains the comparative analysis of the lingual representations of the concepts “smartness” and “foolishness” in the Russian and Czech language’s world. The analysis has been based on proverbs. The analysis of the representations of the concepts has been revealed the similar and distinguishing features of the national understanding of mind and foolishness and is one stage of the description of language’s world especially important for profound comprehension of national concept sphere in whole.

Key words: concept, concept «mind», con-

* © Кириллова И.В.